

РОЖДЕСТВО ВЪ ЧЕРНОГОРІИ.

У насъ въ Россіи Рождество иначе называется святками, по словопроизводству отъ «святкоѣ» — праздникъ: слѣдовательно, какъ-бы праздникъ по преимуществу. При этомъ вечера первыхъ трехъ дней въ народѣ называются *святыми вечерами*, во время которыхъ не допускается никакое шумное веселье, и только съ четвертаго дня разрѣшается все и вся: пѣсня, пляска, гаданье, ряженье, обычное изображеніе поводительщика съ медвѣдемъ и козю или старика въ вывернутой шубѣ съ горбомъ; къ нему присоединяется старуха въ такомъ-же родѣ, и совершается цѣлое представленіе. Съ этого-же дня начинается и цѣлый рядъ особыхъ святочныхъ игръ, продолжающихся во весь рождественскій мясоѣдъ. Въ городахъ— это также сезонъ самаго шумнаго веселья—съ театрами, балами, маскарадами и т. д.

Совсѣмъ противоположное, само собою разумѣется, представляетъ канунъ праздника Рождеста. Это—день постный, притомъ сочельникъ, когда не ѣдятъ ничего цѣлый день *до звѣзды*, или до окончанія вечерни, съ которой приносятъ святую воду, и только попивши ея, можно ѣсть; притомъ есть особенныя кушанья: *сочельникъ*— родъ ботвиньи изъ красной квашеной свеклы съ квасомъ,— капуста, картофель и огурцы тоже съ какою-нибудь кислюю, острою приправой, но отнюдь не должно быть масла, хотя-бы и постнаго. Малороссы въ этотъ день дѣлаютъ взварецъ изъ терну, вишенъ, сливъ, яблокъ и т. п.

и варятъ кутью изъ пшеницы съ медомъ, которую крестники приносятъ своимъ крестнымъ отцу и матери.

Въ этотъ-же вечеръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колдуютъ, поютъ *таусень*; у малороссіянъ *щедрикують* и эти пѣсни на такъ-называемый *щедрый вечеръ*, въ которыхъ домохозяина поздравляютъ съ рожденіемъ Сына Божія, называютъ *щедрики*.

Въ иныхъ мѣстахъ для скромной вечерней трапезы на столъ настилается сѣно и сверхъ него скатерть, очевидно, въ воспоминаніе положенія Христа-младенца въ ясли. Бываетъ также хожденіе съ *вертепомъ*, причемъ это событіе показывается въ лицахъ. Это послѣднее, кажется, принесено изъ западной церкви, которая, не довольствуясь символизмомъ, старается все представить реальнѣе.

Все это предпразднованіе, заисключеніемъ малой доли особенныхъ обрядовъ (*таусень*, *колядованіе*), напоминающихъ наше язычество, прямо относится къ великому событію въ жизни христіанства, къ рожденію Христа, какъ оно представлено въ священномъ писаніи.

У сербовъ, а слѣдовательно и у черногорцевъ, представляющихъ собою только территоріальную единицу дѣлаго сербства, въ сущности этотъ праздникъ имѣетъ тотъ-же смыслъ; но отличается многими особенностями, которыя отличаютъ его отъ нашего.

Начнемъ съ того, что самый праздникъ называется *Божичъ*, что составляетъ уменьшительное имя отъ *Богъ*, т.-е. Сынъ Бога, Христось. Послѣднія двѣ недѣли или собственно два воскресенья передъ этимъ праздникомъ (св. отецъ и передъ самымъ Рождествомъ) имѣютъ свои названія *материце* и *очичи* и еще одинъ день по Рождествѣ, 29 дек. (избіеніе 14 000 младенцевъ)—*дѣтинци*.

Эти три дня сопровождаются особенными обычаями: въ первый изъ нихъ матери должны дѣлать подарки своимъ дѣтямъ и всѣхъ угощаютъ *пришаницами* (родъ оладей на постномъ, конечно, маслѣ); во второй дѣти стараются какъ-нибудь привязать отца къ столу или къ скамейкѣ, на которой онъ сидитъ, и онъ за то долженъ откупиться подарками; а въ послѣдній то-же самое про-

дѣлываетъ отецъ съ дѣтьми, которыя тоже должны что-нибудь дать ему: орѣховъ, смоквъ и т. п. Кромѣ того, вся недѣля, предшествующая Рождеству, непосредственно называется *бадня недѣля*. Впродолженіе всей этой недѣли въ семьѣ никто никого не смѣетъ ударить: ни родители дѣтей, ни дѣти другъ друга; иначе вскочитъ злой чирей. Если-же кто ударитъ въ забывчивости, то получившій ударъ, чтобы избавить огъ того ударившаго, долженъ проговорить: «Чире-мире! око тебе деветъ братье било!» и дѣло обойдется безъ послѣдствій.

День 23 декабря называется *туцан* или *туцин-дан*, отъ глагола *туци*—бить, колоть скотину, обреченную на сѣдненіе на рождественскіе праздники. Наконецъ, самый канунъ праздника называется *бадни дан*, а вечеръ—*бадня вече* (жен. р., муж. — *бадни вечер*). Названіе это происходитъ отъ дерева, называемаго *бадняк*, которое въ тотъ день срубаютъ, чтобы въ тотъ-же вечеръ положить на огонь. Въ этотъ послѣдній день соблюдается самый строгій постъ: иные до вечера не ѣдятъ ничего (*едноничая*) или только сухой хлѣбъ; отнюдь нельзя пить кофе, или ѣсть, что-бы то ни было изготовленное на огнѣ; только старымъ людямъ разрѣшается рюмочка водочки; вечеромъ-же непременно должны быть *прианицы* на оливковомъ маслѣ, иногда посыпанныя сахаромъ; можно приготовить и еще что-нибудь, но совершенно постное: сварить фасоль, картофель и т. п., и разрѣшается всѣмъ немного водки и вина. Кто ѣлъ рыбу впродолженіе поста или, какъ нѣкоторые, до Николина дня (6 дек.), тотъ съ Игнатьева дня (20 дек.) непременно отъ нея воздерживается.

Въ домѣ весь этотъ день идутъ приготовленія къ празднику. Закуплены впередъ водка и вино и кое-какія лакомства; есть домашняго приготовленія ветчина и *кастрада* (сухое баранье мясо); но нужно еще изжарить цѣлаго барана, безъ чего нѣтъ *божича*, а кто имѣетъ, еще и поросенка. Заколотыхъ наканунѣ животныхъ теперь потрошатъ, дѣлаютъ колбасы; а потомъ насаживаютъ ихъ на вертелъ (*ражань*), собственно длинный колъ, на которомъ ихъ будутъ жарить, держа и поворачивая надъ огнемъ. Все это должно быть готово до вечера.

Покуда все это совершается въ домѣ, *доматынъ* (домохозяинъ) до полдня отправляется съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей-мальчиковъ въ свой лѣсокъ, чтобы срубить *бадняк*. Выбирается для этого непременно дубокъ, прямой и чистый, который въ нижнемъ отрубѣ имѣлъ-бы отъ 2 до 3^{1/2} вершковъ въ поперечникѣ, а длиною отъ 1 до 1^{1/2} сажень. Облюбовавъ деревцо, онъ поворачивается лицомъ къ востоку, молится Богу, призывая Его благословеніе, потомъ становится на колѣни и начинаетъ рубить дерево близко къ корню. Надрубивъ до половины съ одной стороны, начинаетъ рубить съ другой на 1—1^{1/2} четверти выше и также прорубаетъ до половины и останавливается; это называется *забаднячити*. Потомъ онъ встаетъ, беретъ дерево за верхъ и гнетъ на ту сторону, гдѣ оно зарублено ниже. Деревцо ломится, расщепляясь внизу, гдѣ зарублено, и оттого остается конецъ расщепленный, который и называется *придавак*. Вѣтки всѣ обрубаются и оставляется только одна на самомъ верху, которая тоже укорачивается, но остается часть съ нѣсколькими листьями, что особенно важно. Дубъ въ этомъ отношеніи имѣетъ то преимущество, что не роняетъ листь, какъ другія деревья, безъ сильнаго вѣтра, а въ Черногоріи иногда сохраняется до Рождества и зеленый цвѣтъ листьевъ. Бадняку этому дается и другое, болѣе нѣжное названіе—*блажено дрво* или *веселик*. Кромѣ его, срубаютъ еще нѣсколько деревцовъ потоньше, которыя называются *баднярщами*. Нѣкоторыя изъ нихъ срубаютъ сынишко.

Приносятъ эти деревья къ дому и ставятъ снаружи его, прислонивши къ стѣнѣ съ правой стороны входныхъ дверей. Приэтомъ черногорцы ставятъ кверху тонкимъ концомъ, какъ было дерево на корню, а герцеговинцы наоборотъ. На Цетинѣ однажды произошло крупное недоразумѣніе между мужемъ-герцеговинцемъ и женою черногоркой изъ-за того, что мужъ поставилъ дерево по своему обычаю толстымъ концомъ кверху, а жена, полагая, что онъ это сдѣлалъ по разсѣянности, поставила посвоему. Мужъ подумалъ, что жена это сдѣлала на зло ему, и отколотилъ ее. Послѣ, узнавши, въ чемъ было дѣло, раскаялся; неизвѣстно только, проговорила-ли она «чире-

мире» и не постигло-ли мужа Божіе наказаніе за нарушение святости дня. Въ прежнее время князь Николай самъ съ персениками и цѣлою свитой отправлялся въ чей-нибудь лѣсокъ и срубалъ баднякъ, а затѣмъ рубили другіе. Онъ платилъ за это хозяину лѣса 50—70 флориновъ, что было для того рождественскимъ подаркомъ.

На Цетиньѣ, гдѣ большинство горожанъ не имѣютъ своей земли, бадняки приносятъ сосѣдніе поселяне и продаютъ по цванцигеру, т.-е. по 25 коп.; платятъ и по 50, и 10, и даже 5 коп.

Есть обычай принести кому-нибудь баднякъ и поставить у его дома, не сказываясь, въ видѣ тайнаго дара, изъ особеннаго расположенія къ тому дому.

Наконецъ, все готово. Хозяйки пекутъ приганицы, складываютъ на блюдо и приготавливаютъ еще какое-нибудь кушанье, а также вино и водку. Когда и это готово, тогда начинаютъ убирать все, что находится близъ огнища (посрединѣ избы, гдѣ раскладывается огонь); главнымъ образомъ наблюдаютъ, чтобы не осталось ничего желѣзнаго: убираютъ желѣзный *приклад*, на который кладутся концами дрова, и вмѣсто него ставятъ камень; *тѣркач* (кочережку), которымъ выгребаютъ жаръ; *казан* (котелокъ), въ которомъ варятъ ѣду, повѣшенный надъ огнемъ на желѣзной цѣпи (*верше*), и эта послѣдняя поднимается выше. Все это должно быть удалено, а также не оставляютъ ни скамеечки, ни какой-либо подстилки для сидѣнья. Убравши все, чисто подметають полъ. Послѣ этого домохозяинъ приноситъ большое береме соломы и разбрасываетъ его кучками по полу, а дѣти идутъ за нимъ и разстилаютъ эту солому въ ширь. Иногда домохозяинъ, разбрасывая солому и низко согнувшись, клокчетъ какъ насѣдка, а дѣти, идя за нимъ, пиликають какъ цыплята и роются въ солому, какъ-будто въ ней что-то отыскивая. На огнище кладутъ побольше дровъ и поднимаютъ большое пламя. Настали сумерки; пора вносить баднякъ. Хозяинъ дома немного прихорашивается, и перекрестившись и призвавши благословеніе Божіе, со всѣми дѣтьми и другими членами семьи мужского пола отправляется за баднякомъ; а хозяйка дома прилѣпляеть

съ двухъ сторонъ дверей по восковой свѣчѣ и становится со всѣмъ женскимъ населеніемъ у тѣхъ-же дверей внутри дома, держа въ лѣвой рукѣ деревянную чашку съ житомъ: пшеницей, кукурузой, фасолью и др.

Домохозяинъ беретъ главный баднякъ и, повернувъ его *головой* (толстымъ концомъ) впередъ, вноситъ въ домъ со словами: «Добры вече и честита ви бадня вече!» На это ему отвѣчаетъ хозяйка: «Добра ти сретя (счастье) и добро дошао!» и обсыпаетъ его изъ правой руки житомъ, приговаривая: «Сретан, богат, честит» и т. д.—разныя добрыя пожеланія. За хозяиномъ тѣмъ-же порядкомъ всѣ другіе вносятъ баднярицы.

Баднякъ кладется толстымъ концомъ (*лава*) впередъ на *приклад* (камень), такъ, чтобы голова его высывалась изъ огня четверти на полторы; баднярицы кладутся на него поперекъ, накрестъ. Положивши баднякъ, домохозяинъ беретъ сосудъ съ виномъ и льетъ на «голову» дерева (*преліе бадняку лаву*) три раза и кладетъ на него кусокъ хлѣба; затѣмъ выходитъ изъ дома и стрѣляетъ, стрѣляютъ за нимъ и другіе его челядинцы, иногда малыя дѣти. Послѣ того всѣ, начиная съ хозяина, пьютъ понемногу вина «у славу Божу и у славу Рожества (Х)ристова».

Голову бадняка, прежде или когда положить, украшаютъ зеленью, особенно если на немъ не было листьевъ: вѣточкою плюща, маслиноваго дерева или-же елки и можжевельника.

Вносятъ бадняки по всему селу въ одно время, только-что смеркнется: поэтому въ продолженіе получаса или и цѣлаго часа, покуда это совершается въ селѣ, всегда почти разбросанномъ на большое пространство по горамъ, вы видите, какъ среди густого мрака то-и-дѣло сверкаютъ огоньки и раздаются выстрѣлы, раскатываясь громкимъ эхомъ по скаламъ и утесамъ.

На Цетиньѣ прежде всѣхъ вносятъ бадняки у князя, и тогда дѣлается одинъ выстрѣлъ изъ пушки; затѣмъ вносятъ всѣ, и тогда, если проходишь по улицѣ, то надъ тобою изъ вторыхъ этажей непрерывно гремятъ выстрѣлы, какъ-будто въ самый жаркій моментъ битвы. Несчастій,

однако, при мнѣ не случалось ни на Цетиньѣ, ни по всей Черногоріи; тогда-какъ въ бытность мою въ Сербіи въ 1868 г. въ эту ночь было 4 несчастныхъ случая. Только я одинъ разъ чуть не пострадалъ: когда я проходилъ мимо угловаго дома во время непрогляднаго тумана, одинъ албанецъ выскочилъ и выстрѣлилъ въ меня почти въ упоръ; по счастью, у меня въ лѣвомъ карманѣ былъ цѣлый толстый пакетъ бумагъ, и пуля, пробивши пальто и углы на сгибѣ бумагъ, пошла мимо.

Если случится гость (конечно, издалека, потому-что изъ ближнихъ всякій дома, или иностранецъ), то и онъ вноситъ баднякъ, и присутствіе такого человѣка пріятно хозяевамъ.

На мнѣ, когда нахожусь на Цетиньѣ, лежитъ обязанность внести баднякъ въ своемъ домѣ, т.-е. у хозяевъ квартиры; затѣмъ у однихъ кумовьевъ я вношу баднякъ и ужою, а у другихъ по внесеніи бадняка остаюсь на ужинъ; заканчиваю-же вечеръ дома, веселясь съ хозяевами.

Женщина не можетъ вносить баднякъ, а непременно мужчина, хотя-бы и маленькій мальчикъ; поэтому ко вдовѣ, не имѣющей дѣтей мужского пола, для внесенія бадняка приходитъ кумъ или кто-нибудь изъ родственниковъ или пріятелей.

Все это совершается съ благоговѣніемъ, какъ священнослуженіе; дѣти, всегда очень живыя и рѣзвыя, тутъ притихаютъ и внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ передъ ихъ глазами, а участвующіе въ томъ старшіе мальчики держатся совершенно какъ взрослые.

Когда весь обрядъ исполненъ, садятся ужинать, для чего сверхъ соломы постилается что-нибудь шерстяное (*понява, струка*), но отнюдь не бумажное или холстяное; нѣтъ также ни стола, ни скамеечки, а ставится все прямо на шерстяную постилку, и сидятъ скрестивши подъ себя ноги. Передъ ѣдой старшіе выпиваютъ по рюмкѣ водки, а послѣ ѣды пьютъ вино всѣ, и дѣти.

Затѣмъ домохозяинъ усаживается у огня, и на его обязанности лежитъ наблюденіе, чтобы былъ хорошій огонь и раньше перегорѣлъ-бы баднякъ, прежде

чего онъ не смѣетъ лечь спать. Сидятъ и другіе, кому нѣтъ дѣла, покуриваютъ трубки, разговариваютъ и понемногу попиваютъ вино; а дѣти въ это время предаются веселью: кувыркаются по соломѣ, въ которую иногда старшіе предварительно зарываютъ какую-нибудь монету, а они ее розыскиваютъ, играютъ въ (х)оро (хороводъ), пляшутъ, скачутъ подъ свое собственное пѣніе, поютъ особыя рождественскія пѣсенки.

Во время самага разгара веселья вдругъ кто-нибудь изъ старшихъ крикнетъ: «Божич иде, Божич иде!»—и все умолкаетъ, устремивши взгляды къ дверямъ, въ которыя вводятъ вола, совершенно закрытаго разнаго рода одеждой, причемъ его голова убрана зеленью и цвѣтными платками, лоскутками и ленточками. Старшія дѣти знаютъ уже это, а младшія съ перваго раза озадачиваются и только всматриваются въ это движущееся къ нимъ чудо, такъ-какъ это готовится тайно отъ нихъ; потомъ, узнавши въ немъ своего вола, радостно вскрикиваютъ: «Да это нашъ *Мацюня* (имя вола)! Какой это Божичъ?!» Раздается общій смѣхъ и настаетъ новый поводъ радости и веселья. Волъ этотъ непременно долженъ быть *борозній*, т. е. запрягающійся съ правой руки. Его подводятъ къ огню и подаютъ немного поѣсть соломы; а хозяйка дома въ это время подходитъ къ нему съ *погачей* (пшеничный хлѣбъ) и натываетъ ему на одинъ рогъ, который будто-бы онъ самъ подставилъ. Иногда волъ стоитъ такимъ образомъ спокойно, а иногда старается сбросить погачу, и по этому гадаютъ объ урожаѣ и вообще о благополучіи дома въ будущемъ году.

Во все это время до утра никто изъ постороннихъ не входитъ въ домъ, а изъ своихъ никто не выходитъ. Но до крайности общительный черногорецъ не можетъ вынести этого состоянія, радостнаго, но угнетающаго его уединеніемъ отъ остальныхъ своихъ знакомыхъ. Поэтому, посидѣвъ немного послѣ ужина, онъ выходитъ на дворъ и кричитъ кому-либо изъ сосѣдей, иногда на очень далекое разстояніе: «О, Сааво!» Пройдетъ моментъ, когда тамъ разберутъ, кого зовутъ, и Сааво отвѣчаетъ: «Эво ме, Драго!» Первый тогда опять кричитъ: «На

здравле ти бадня вече!» и стрѣляетъ; на что тотъ опять отвѣчаетъ: «И с тобом заедно (вмѣстѣ) и съютра Божич!» и тоже стрѣляетъ. Такая переключка и перестрѣлка длится цѣлый вечеръ, нарушая отъ времени до времени ночную тишину.

Навеселившись вдоволь, всѣ, у кого нѣтъ дѣла, ложатся спать, домохозяинъ же долженъ ждать, пока перегоритъ баднякъ, что зависитъ отъ толщины его: иной перегоритъ къ 10 ч., другой послѣ полуночи и даже почти передъ утромъ. Какъ только онъ перегоритъ, хозяинъ выходитъ и дѣлаетъ еще одинъ выстрѣлъ. Не говоритъ однако: *прегорио е баднякъ*, но: *превеселио се*.

Послѣ этого хозяинъ ложится спать, но тутъ же у огнища. Отвалившуюся отъ цѣлаго дерева голову устраняютъ отъ огнища; но впродолженіе трехъ дней каждое утро разжигаютъ этотъ остатокъ понемногу, чтобы не горѣлъ пламенемъ, а только тлѣлъ; послѣ же трехъ дней его выносятъ и кладутъ въ ясли скоту или на ниву или въ *врт* (огородъ), особенно на *мучнак* (гдѣ садятъ лукъ), для благополучія скота и для урожая. Кто страдаетъ зубами, то переноситъ его въ зубахъ, и это помогаетъ. Иные же не выносятъ его до Васильева вечера; тогда баднякъ кладутъ уже женщины разжигая имъ дрова. День св. Василія и Новый годъ поэтому называется *мали* или *женски божич*.

Въ числѣ приготовленій къ празднику главное дѣло составляетъ изжарить или собственно испечь барашка или поросенка, а иногда бываетъ то и другое. Первое, жареное, называется просто *пециво*, а второе— *пекна*, *веселица*, *заоблица* и др. Когда пекутъ поросенка, то внутрь его кладутъ иногда курицу, а въ нее яйцо, и когда это послѣднее лопнетъ, то служитъ знакомъ, что испеклось все хорошо.

Когда положить *пециво* на огонь, то опять даютъ выстрѣлъ, и это бываетъ около 10 ч. веч. или послѣ полуночи, а иногда даже послѣ четвертыхъ пѣтуховъ, смотря по тому, большое или малое животное печется, и требуется ли, чтобы было готово къ концу заутрени или къ концу обѣдни; вообще же приготовленіе продол-

жается отъ 5 до 7 часовъ и требуетъ большого искусства и еще большаго терпѣнія. Приэтомъ, если нѣтъ смѣны, а работаетъ одинъ, то отъ жара и дыма у него разбаливаются голова и глаза, и человѣкъ чуть не падаетъ въ обморокъ,—какъ говорятъ, *одиміо*. Жалобы на это въ большей или меньшей степени слышишь на другой день почти въ каждомъ домѣ.

Близится наконецъ и праздникъ. За часъ до разсвѣта раздается колоколь, призывающій къ заутренѣ, на которую, однако, идутъ немногіе; затѣмъ непосредственно за нею слѣдуетъ обѣдня, на которой обязательно долженъ быть каждый домохозяинъ и съ нимъ еще кто-нибудь изъ домашнихъ. Всякій беретъ съ собою восковую свѣчу, въ селахъ самодѣльную, изъ своего воска, съ которою стоятъ цѣлую обѣдню. По окончаніи службы священникъ, выйдя изъ алтаря съ крестомъ, возглашаетъ: «Христос се родіо!» Всѣ ему отвѣчаютъ: «Воистину се родіо!» и такъ три раза. Потомъ всѣ прикладываются къ кресту и получаютъ отъ священника *чипору* (аңтидоръ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тутъ-же священникъ мажетъ елеемъ, который освящается на заутренѣ. Послѣ этого всѣ цѣлуются между собою, какъ у насъ на Пасху, съ привѣтствіемъ: «Мир Божи! (X)ристос се родіо!», на которое другой отвѣчаетъ: «Воистину се родіо,» и это называется *мирбожати се* и продолжается цѣлую недѣлю. Разговляются иные тотчасъ послѣ заутрени, но только такъ-называемымъ *бѣлим смокомъ*, т.-е. безъ мяса: прежде всего сѣдаютъ кусочекъ свиного сала, а потомъ яйца и сыр. Цеклиняне, занимающіеся рыболовствомъ въ рѣкѣ Черноsvичѣ и Скадарскомъ озерѣ, разговляются сушеною, прокопченною рыбной *уклевой*, ловъ которой составляетъ у нихъ важную статью дохода, и приэтомъ высказываются пожеланія хорошаго лова. Настоящее-же розговѣнье—мясомъ—послѣ обѣдни, и вскорѣ затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ.

Есть еще одинъ обычай, который совершается между заутреней и обѣдней. Въ это время одинъ изъ младшихъ членовъ семьи отправляется съ поздравленіемъ въ домъ, особенно почитаемый вообще или связанный съ его домомъ кумовствомъ или пріятельствомъ. Это называется

полазити кога, а исполняющій то—полазник или полажайник. Отправляясь, онъ беретъ съ собою *торбицу* (сумку), въ которую кладетъ бутылку съ виномъ и нѣсколько штукъ яблокъ, грушъ, апельсинъ или другихъ фруктовъ, и также беретъ съ собою небольшой баднякъ; послѣдній, впрочемъ, не необходимъ, такъ-какъ можно взять одну изъ баднярицъ, стоящихъ при томъ-же домѣ. Войдя въ домъ, онъ прежде всего положитъ на огонь баднякъ, а затѣмъ, взявши обѣими руками главный домашній баднякъ, начинаегъ двигать его впередъ и назадъ, чтобы расшевелить костеръ: искры цѣлымъ снопомъ съ трескомъ поднимаются надъ огнищемъ, а онъ въ это время приговариваетъ свои пожеланія, чтобы столько-же родилось ягнятъ, телятъ и всякаго скота, а семья чтобы множилась и богатѣла. Совершивши этотъ первый актъ поздравленія, онъ кладетъ на баднякъ что-нибудь изъ принесеннаго имъ и потомъ обращается къ хозяину съ привѣтствіемъ: «Добро утро и честит ви Божичъ!», на что ему отвѣчаютъ: «Добра ти сретя, добро дошао и с тобом Божичъ и сваки благи дан (праздникъ) да буде сретан и честит». Приэтомъ цѣлуются и полазникъ передаетъ бутылку съ виномъ; его вино выливаютъ въ свой сосудъ, а ему наливаютъ своего вина. Онъ-же обдариваетъ всѣхъ принесенными фруктами, главнымъ образомъ дѣтей и женщинъ, отъ которыхъ получаетъ такое-же отдарье. Тутъ-же дадутъ ему *ракии* (водки); но онъ чуть только прихлебнетъ, если еще не окончилась обѣдня. Такого полазника большею частью оставляютъ и на обѣдъ.

Въ другихъ мѣстахъ полазника обсыпаютъ при входѣ житомъ и онъ приноситъ подарки: цванцигеръ (около 25 коп.) или вещами, какъ чулки, платокъ, полотенце и т. п.; а подходя къ дому, онъ еще издали кричитъ поздравленіе и стрѣляетъ.

Если въ какой-нибудь домъ собираются полажайники не одинъ, то они стараются предупредить другъ друга, такъ-какъ цѣнится только первое посѣщеніе, которому приписывается все, что потомъ случится въ домѣ, хорошее или худое, больше впрочемъ первое, потому-что

полаженъе всегда дѣлаетъ честь дому и должно приносить одно счастье, а несчастье можетъ быть приписано чему-нибудь другому.

Въ прежнее время на Цетиньѣ князь Николай тотчасъ послѣ заутрени выходилъ на балконъ своего дома, а одинъ изъ *кабадахій* (старшій изъ *персениковъ*, личной гвардіи князя) вызывалъ кого-либо изъ находившихся на Цетиньѣ членовъ сената: «О, войводо Иво!» или «О, сердаре Јоле!», на что тотъ откликался: «Эво ме, господару!» Тогда самъ князь закричитъ ему: «Честит ти Божич!» и дѣлаетъ выстрѣлъ, на что тотъ: «Фала (спасибо) ти, господару, и с тобом заедно!» и также стрѣляетъ, но уже нѣсколько разъ, а съ нимъ стѣляютъ и всѣ находящіеся въ томъ домѣ, и пальба пойдетъ трескучая.

Посѣщаютъ другъ друга тотчасъ послѣ розговенья или пообѣдавши, но это уже не считается полагеньемъ, хотя всѣ посѣтители также подталкиваютъ баднякъ съ тѣми-же привѣтствіями и пожеланіями. Для приема гостей разставлены водка, вино, пециво, ветчина, орѣхи, яблоки и т. п., а посрединѣ стола находится *божични колач* или *криная*, иначе называемый *чесница*: это большой, плоскій пшеничный хлѣбъ съ различными узорами поверху, и въ немъ запечена какая-нибудь монета; возлѣ него стоитъ блюдечко съ ячменемъ, въ который воткнута восковая свѣчка.

Обѣдаютъ въ этотъ день рано, тотчасъ послѣ обѣдни. Когда хозяинъ приходитъ изъ церкви, то столъ уже готовъ. Это круглый столикъ на низенькихъ ножкахъ, и сидятъ вокругъ него на полу, скрестивши ноги. *Божични колач* ставится посрединѣ стола, и въ него втыкается восковая свѣча, которая и зажигается во время обѣда, или-же свѣча зажигается въ ячменѣ на блюдечкѣ, о которомъ упонимали выше, а колачъ на столѣ стоитъ безъ свѣчи. Колачъ этотъ тотчасъ-же или послѣ домохозяиномъ разламывается на куски, которые онъ раздаетъ каждому изъ членовъ семьи, и счастливъ тотъ, кто въ своемъ кускѣ найдетъ монету.

Такъ-какъ на маленькомъ столикѣ не могутъ помѣститься всѣ приготовленныя яства (цѣлый барашекъ,

поросенокъ, окорокъ, сыръ) и графины съ водкой и виномъ, то къ нему прилаживается еще столъ изъ досокъ, положенныхъ на чурбанчики или камни. Когда сядутъ за столъ, то кто-нибудь изъ семьи прочитаетъ «Отче нашъ»; потомъ, поѣвши немного, передъ жаркимъ пьютъ вино «у славу Богу», причемъ домохозяинъ скажетъ здравицу; потомъ идутъ другія здравицы, и обѣдъ скоро оканчивается.

Впродолженіе первыхъ трехъ дней не должно готовить ничего горячаго, ни даже кофе, а ѣдятъ только то, что изготовлено наканунѣ перваго дня. Впрочемъ, въ послѣднее время это не соблюдается вполне не только въ городахъ, но и въ селахъ.

Вся ѣда остается на столѣ впродолженіе трехъ дней и убирается только на ночь, чтобы не поѣли кошки или мыши, а утромъ опять выставляется. Главное-же *пециво*, т.-е. цѣлый испеченный барашекъ, не трогаютъ, пока не придетъ почетный гость (обыкновенно въ первое-же утро) или особенно уважаемый домою челоуѣкъ, которому и предлагаютъ разрубить его ножомъ (ятаганомъ) или саблей. У болѣе важныхъ лицъ это совершалъ князь или одинъ изъ его старшихъ сыновей.

Съ этимъ соединяются различныя примѣты. Мнѣ однажды привелось разрубить *пециво* въ домѣ, гдѣ *доматъица* (хозяйка дома) находилась въ интересномъ положеніи, разрѣшившаяся потомъ мальчикомъ, а до того времени имѣвшая только дѣвочекъ. «Хорошо-же ты мнѣ разрубилъ»—говорилъ мнѣ послѣ того хозяинъ дома, приписывая тому рожденіе мальчика. Онъ впрочемъ шутилъ, а были въ его-же семьѣ домашніе, которые дѣйствительно въ это вѣрили.

Послѣ обѣда люди постарше посѣщаютъ другъ друга и проводятъ время въ тихой бесѣдѣ, покуривая трубки и попивая немного винца; женщины весь этотъ день сидятъ дома и занимаются угощеніемъ посѣтителей, а молодежь предается веселью и забавамъ внѣ дома, для чего выбираютъ гумно, которое представляетъ собою круглую площадку, прекрасно вымощенную каменными плитами, съ каменными-же закраинами кругомъ; на пло-

щадкѣ пляшутъ парами, а остальные сидятъ кругомъ, поютъ и выжидаютъ очереди, чтобы тоже пуститься въ пляску, или просто любятъ пляшущими.

Главная и единственная черногорская пляска—это *оро* *, которая исполняется подъ пѣніе двоихъ или троихъ изъ сидящаго кругомъ народа. Пѣніе это не имѣетъ никакого отношенія ни къ пляскѣ, ни вообще въ веселью, притомъ протяжное, съ сильнымъ вибрированіемъ высокихъ голосовъ, и для пляшущихъ не даетъ никакого такта. Обыкновенно на средину площадки выскакиваетъ парень съ крикомъ «и-и!» и, взмахивая руками, начинаетъ пляску. Къ нему также стремительно выскакиваетъ женщина, но молча, тоже взмахивая кверху руками. Они обскакиваютъ другъ друга, то сближаясь, то быстро отдаляясь, и, напрыгавшись вдоволь, кидаются другъ другу въ объятія, т. - е. берутъ другъ друга за плечи и цѣлуются въ щеку и уходятъ; за ними вылетаетъ другая пара. Или-же мѣняется только одинъ: къ оставшемуся въ кругу мужчинѣ вылетаетъ женщина, и наоборотъ.

Вся суть этой пляски состоитъ въ томъ, чтобы, держа тѣло совершенно прямо и почти не сгибая ногу въ колѣнахъ, прыгнуть какъ можно выше; маханье рукъ въ этомъ случаѣ помогаетъ усиленію прыжка. Легкій, стройный парень скачетъ иногда съ такою эластичностью, что кажется, будто онъ едва только ударяетъ пальцами ногу въ каменный полъ, который самъ подбрасываетъ его кверху, какъ резиновый мячикъ, а онъ только перемѣняетъ то ту, то другую ногу. Не слышится приэтомъ крѣпкаго топанья, а только какой-то шелестъ изъ-подъ ногъ, да бряцанье развѣшанныхъ на груди медалей и отъ времени до времени крикъ «и-ха!» Взлетая на высоту передъ обскакивающей его женщиной и какъ-бы любуясь ею сверху, онъ въ увлеченіи выхватываетъ изъ-за пояса револьверъ, дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ и снова скачетъ, пока не явится кто ему на смѣну.

Женщина, смотря по тому, дѣвушка она или замуж-

* Собственно *хоро*, но сербы *х* не выговариваютъ.

няя, держится скромнѣе или смѣлѣе, удаляясь и отвертываясь отъ налетающаго на нее мужчины или сама на скакивая на него. Самый характеръ пляски зависитъ отъ характера личности. Иная, опустивши глаза и держа руки внизъ, не сгибаясь и не колебля станомъ, скачетъ передъ вами точно живое изваяніе, потомъ вдругъ взмахнетъ руками, сдѣлаетъ оборотъ и помчится по направленію къ парню, вскинувъ только на него глазами съ легкою улыбкой, и полетитъ прочь; и потомъ снова, опустивъ глаза и руки, скачетъ на одномъ мѣстѣ, предоставивъ обскакивать себя своему другу. Другая, напротивъ, съ сильными размахами рукъ вылетаетъ на середину гумна и крупными скачками носится по цѣлому кругу, налетая на мужчину и устремивъ на него страстный взглядъ; она будто старается поймать его въ свои объятія, а потомъ вдругъ съ такою-же силою отворачивается отъ него и отскакиваетъ, чтобы черезъ моментъ опять устремиться къ нему. Платье и головной уборъ приэтомъ развѣваются, подъ ногами раздается тяжелый топотъ, а изъ груди выносятся сильное дыханіе. Такая манера не одобряется и всегда вызываетъ со стороны зрителей суровыя замѣчанія. Вся прелесть этой пляски заключается въ легкости и непринужденности движеній, въ умѣнны держаться спокойно, умѣряя порывы увлеченія или страсти и только повременамъ обнаруживая съ энергіей бьющія въ человѣкѣ жизненныя силы.

Въ этой пляскѣ могутъ принимать участіе и пожилые люди, и случается, когда составляется *оро* передъ княжескимъ дворцомъ, въ немъ участвуютъ сыновья князя, его воеводы и министры.

Часто пляшутъ мужчина съ мужчиной или женщина съ женщиной, но это уже отступленіе, стоящее въ явномъ противорѣчьи со смысломъ и духомъ разыгрываемой, такъ сказать, житейской сцены.

Дѣти, ни въ чемъ не отстающія отъ взрослыхъ, составляютъ свое *оро*, и мило смотрѣтъ, какъ они съ весьма ускореннымъ тактомъ продѣлываютъ тѣ-же фигуры, какъ и взрослые, и въ заключеніе такъ-же обнимаются и шѣлуются, удаляясь потомъ изъ круга.

Вечеромъ, какъ и вообще въ зимніе вечера, собираются по домамъ на *сѣдник*, т. е. посидѣлки или вечеринки, сопровождающіяся также различными играми молодежи и продолжающіяся за полночь; въ то-же время непременно бываетъ пѣніе *уз цуле*, т. е. пѣніе однимъ *юнацкихъ* (геройскихъ) пѣсенъ подъ аккомпаниментъ инструмента, назыв. *цусли*, вродѣ однострунной скрипки.

Второй день Рождества называется *Божіи дан*, когда отправляются съ визитами хозяйки и вообще женщины, а хозяинъ дома остается для пріема гостей. На третій день—*Стефанъ-дан* (27 дек., архидіакона Стефана) снохи отправляется въ *род*, т. е. въ тотъ домъ, изъ котораго онѣ взяты въ замужество.

Послѣ трехъ дней убирается солома изъ дома, но ее не бросаютъ куда попало, а часть дадутъ поѣсть скотинѣ и часть разбрасуютъ по нивѣ для урожая.

Всѣ эти дни, сколько-бы ни веселились, а все главнымъ образомъ вращается около *бадняка*: не даютъ никакъ, чтобы упало пламя, и для того то-и-дѣло подкладываютъ дровъ, и кто-бы, въ какое-бы ни было время ни пришло, прежде всего подойдетъ къ бадняку, пошевелитъ его въ кострѣ, чтобы искры полетѣли цѣлымъ снопомъ, и выскажетъ свои добропожеланія дому.

Съ баднякомъ, съ горящимъ для него торфомъ и вообще съ этими днями соединяется множество примѣтъ и гаданій, которыхъ, однако, не будемъ перечислять.

Рождество, какъ мы говорили, считается до Новаго года, *Васильева дня*, называемаго *мали или женски Божичъ*; канунъ этому дню устраиваютъ женщины. Для этого кладутъ на огнище перегорѣвшую голову главнаго бадняка, разжигаютъ его и приносятъ къ нему еще два-три свѣжихъ дерева, которыя должны горѣть вмѣстѣ съ нимъ и представлять собою *баднярицы*. На самый Васильевъ день также есть свои обряды, и этимъ оканчивается празднованіе Божича.

Итакъ празднованіе Рождества въ Черногоріи обнимаетъ цѣлый періодъ времени и представляетъ собою цѣлую какою-то мистерію, сопровождаемую обрядами,

примѣтами и гаданьями, напоминающими старую натуралистическую вѣру праотцевъ. Онъ приѣтомъ у сербовъ гораздо важнѣе Пасхи, что совершенно противоположно понятію нашего народа, для котораго Пасха «праздниковъ—праздникъ и торжество—изъ торжествъ». О Рождествѣ въ Черногоріи говорится:

Нема дан безъ очнога вида,
Нити славе без Божича,

то-есть нѣтъ свѣта для слѣпого, ни великаго праздника безъ Божича.

Въ «Горскомъ Вѣнцѣ», произведеніи владыки Петра II, слѣпой игумень Стефанъ такъ характеризуетъ этотъ праздникъ:

Праздноваль я Божичъ въ Виелесѣ,
Праздноваль его я на горѣ Аѳонской,
И въ Кіевѣ святомъ его я славилъ;
Нашъ-же праздникъ ото всѣхъ отмѣнный
Простотой своею и весельемъ.
Не пылаеть никогда такое пламя;
А кругомъ разсыпана солома;
Накрестъ лежать на огнѣ бадняки;
Гремятъ ружья; вертятся *пещива*;
Гудятъ гусли; поютъ хороводы;
Дѣды пляшутъ съ внучатами вмѣстѣ;
Три пояса (поколѣнія) пляшутъ въ одномъ *коло*,
Всѣ—сказаль-бы—будто однолѣтки.
Чудной радостью все дышетъ;
А что помосему всего лучше,
Это то, что всему должна быть своя граница.

П. Ровинскій.